

ВИОЛЕТТА ВЕСНА

РАЗВОД С ВЕРХОВНЫМ ДРАКОНОМ

Несломленная
бывшая жена

Виолетта Весна

**Развод с Верховным драконом.
Несломленная бывшая жена**

«Автор»

2026

Весна В.

Развод с Верховным драконом. Несломленная бывшая жена /
В. Весна — «Автор», 2026

Муж выбрал мне дом, назначил содержание и сообщил, что женится на другой. Даже после развода Верховный дракон собирался решать, где мне жить и на что тратить его деньги. Я забрала отцовские инструменты и уехала в старый материнский дом у переправы. Когда-то я была хорошей мастерицей. Теперь предстояло выяснить, помнят ли руки ремесло и найдется ли хоть один заказчик у бывшей жены Кассара Ардена. Заказчики нашлись. А вместе с ними — Роан, бывший командир спасателей с ранней сединой и привычкой спрашивать, нужна ли мне помощь. К его вниманию оказалось труднее привыкнуть, чем к работе. Особенно когда я поняла, что жду его уже после закрытия мастерской. Кассар тем временем готовился к новой свадьбе. Его должно было устраивать, что бывшая жена устроила свою жизнь. Но однажды он приехал в Ривель. Вскоре мои заказчики получили распоряжение за его подписью. Оказалось, право уйти от Верховного дракона еще не означало права быть счастливой без него.

© Весна В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Другая жена	5
Глава 2. Моя фамилия	14
Глава 3. Дом у переправы	23
Глава 4. Работа для меня	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Виолетта Весна

Развод с Верховным драконом.

Несломленная бывшая жена

Глава 1. Другая жена

— Я женюсь на Лиоре Севран, — сказал Кассар, когда я еще не успела закрыть за собой дверь.

В пальцах у меня оставалась бронзовая стружка. Я заметила ее только потому, что сжала ладонь и укололась. До этого меня занимала совсем другая неприятность: я задержалась в мастерской, платье на локте было испачкано маслом, а муж редко приходил в наши комнаты до ужина.

На низком столе перед ним лежала папка. Рядом стояли две чашки. С моей еще поднимался пар.

— Что?

Он поднялся. Высокий, прямой, в темном служебном камзоле без парадной перевязи. На левом рукаве поблескивала узкая золотая вышивка Верховного дракона. Я сама отдавала этот камзол портному: после осеннего похода Кассар похудел, и ткань собиралась под лопатками.

— Нам нужно поговорить о разводе, Мирена. Сядь, пожалуйста.

Я прикрыла дверь. Рука сама нашла за спиной ручку и осторожно отпустила ее, чтобы замок не щелкнул слишком громко.

— Лиора Севран? — переспросила я. — Дочь поставщика?

— Ты прекрасно знаешь, о ком я.

Знала. Светлые волосы, уложенные низко на затылке. Темно-синее платье на зимнем приеме. Тонкие пальцы на ножке бокала. Лиора сидела рядом со мной и спрашивала, правда ли наш сад первым зацветает весной. Я обещала пригласить ее посмотреть.

В ту ночь Кассар вернулся в спальню поздно. Поцеловал меня в висок. От его одежды пахло морозом. Он спросил, удобно ли было рассажено семейство Севранов. Я сказала, что его гости остались довольны.

— Вы давно это решили?

— Недавно. Последние недели я много думал.

— О свадьбе?

— О нас.

— И к чему ты пришел?

— Наш брак исчерпал себя. Ты это тоже чувствуешь.

Я ждала продолжения. Он посмотрел на чашки, словно собирался предложить мне чай, но передумал.

— Нет, — сказала я. — Я чувствовала, что ты устал. Что тебе трудно после назначения. Что с каждым месяцем дел становится больше. Именно так ты объяснял, почему мы почти не видимся.

Кассар потер двумя пальцами переносицу. Этот жест был мне знаком лучше его улыбки.

— Дела действительно были. Они никуда не исчезли.

— И Лиора?

— Лиора тоже никуда не исчезнет. Я не хочу тебе лгать.

Я медленно разжала ладонь. На коже выступила крошечная капля крови. Стружка была короткая, свернутая колечком; я положила ее на блюдце, потому что больше не знала, куда деть.

Кассар проследил за движением.

— Ты порезалась?

— Нет.

— На ладони кровь.

— Я вижу.

Он шагнул к шкафчику с полотенцами. Мне вдруг стало страшно, что он сейчас возьмет мою руку и вытрет ее с той бережностью, которую я помнила. Тогда я, наверное, решила бы, что еще можно что-то исправить.

— Не надо. Ответь, пожалуйста. Как давно?

Кассар остановился.

— Полгода.

Жару в столице. Его короткие приезды. Мое платье, сшитое к годовщине, и ужин на террасе, который перенесли в дом, потому что к девяти вечера похолодало. Я ждала до одиннадцати, потом велела убрать вторую тарелку. Кассар вернулся под утро, а на следующий день прислал серьги.

— На нашу годовщину ты был с ней?

Он не отвел глаза. Лучше бы отвел.

— Вечером я был у Севранов. Затем остался.

Я кивнула. Зачем — не знала. Наверное, чтобы ему не пришлось повторять.

— Ты подарил мне серьги.

— Мирена...

— Я надела их на следующий прием. Помнишь? Лиора сказала, что они мне идут.

— Она не хотела тебя задеть.

— Ты спросил у нее?

Он провел ладонью по краю стола.

— Не нужно приписывать ей то, чего не было. Разговаривай со мной. Решение принял я.

Он выбрал ее сам. Полгода встречался с ней и возвращался ко мне, зная, что я жду. Я все еще искала другое объяснение, хотя муж уже сказал достаточно.

Я села. Ноги дрожали, и скрывать это было уже бессмысленно.

Кассар сразу подвинул чашку ближе. Я взялась за ручку, чтобы занять пальцы, но пить не стала. В чае плавал узкий ломтик айвы. По утрам я любила айву. По вечерам предпочитала мяту. Когда-то он это знал.

— Я понимаю, как это выглядит, — сказал он.

— Как?

— Не заставляй меня произносить очевидное.

Я подняла на него глаза.

— Почему? Ты заставил меня услышать, что мой муж полгода спал с другой женщиной. Мне кажется, один лишний ответ ты выдержишь.

Он сжал челюсти. Под кожей у виска на мгновение проступила тусклая бронзовая чешуя и сразу исчезла. Раньше я коснулась бы его руки, успокоила, дала возможность не продолжать неприятное. Теперь удерживала чашку обеими ладонями.

— Я поступил с тобой нечестно. За это прошу прощения.

Слова прозвучали отчетливо. Так он извинялся перед хозяевами за опоздание: признавал досадный факт и предлагал двигаться дальше.

— А что я должна с этим сделать?

— Пока ничего. Выслушать меня. Я позаботился, чтобы ты не испытывала недостатка. Дом у Западного сада освободили еще зимой. Ты его видела, там хорошая библиотека и небольшой двор. Верхний этаж можно переоборудовать под мастерскую.

Я посмотрела на папку.

— Ты нашел мне дом.

— Разумеется.

— Когда?

— Это мой дом, Мирена. Не нужно было ничего искать. Я выбирал, где тебе будет удобнее.

Он сел напротив и раскрыл папку. На первом листе я увидела наши имена. Свое прочитала дважды. Мирена Арден. На бумаге оно выглядело аккуратно и спокойно, будто речь шла о женщине, которая не сидела сейчас на самом краю кресла и не боялась выпустить из рук остывающую чашку.

— Здесь согласие на расторжение брака. Мое уже заверено. Здесь условия содержания. Выплаты будут поступать ежемесячно. Прислугу можно выбрать из наших людей, если тебе так проще. Имущество, которым ты пользовалась лично, разумеется, остается у тебя.

— А это? — Я указала на третий лист.

— Соглашение об имущественных требованиях.

— То есть я отказываюсь от своей доли?

— В обмен на обеспеченную жизнь. Тебе не придется продавать земли, вести расчеты, платить управляющим. Я беру это на себя.

— Дом у сада будет моим?

Кассар слегка нахмурился.

— Ты получишь право проживания.

— Пожизненное?

— Пока соблюдаются условия соглашения. Прочти, там все указано.

Я поставила чашку и взяла лист. Буквы сперва расплывались. Пришлось придвинуться к окну. Внизу страницы стоял небольшой абзац о сохранении места жительства в столице, согласовании публичных выступлений по обстоятельствам расторжения брака и действиях, способных нанести ущерб репутации семьи Арден.

— Что значит «ущерб репутации»?

— Не выносить наши разногласия на всеобщее обсуждение. Не давать повода для унижительных слухов. Ты понимаешь, какое у меня положение.

— А если я захочу уехать?

— Зачем?

Я ждала. Кассар заметил это и сделал нетерпеливое движение плечом.

— Если захочешь поехать на воды, поедешь на воды. Если к знакомым — к знакомым. Я не собираюсь запирать тебя в доме.

— Если захочу жить в другом месте?

— Ты сейчас расстроена. У тебя здесь врачи, портниха, привычный круг. Не вижу смысла менять все сразу.

В его голосе появилось то твердое спокойствие, после которого споры обычно заканчивались. Я знала, как будет дальше. Он повторит свое предложение другими словами, перечислит преимущества, напомним, что я плохо переношу холод и не умею распоряжаться большими хозяйствами. В конце я соглашусь, потому что устану объяснять то, чего он не хотел слышать.

Впервые я увидела эту последовательность целиком.

— Я прочитаю бумаги, — сказала я.

Кассар кивнул, словно мы наконец перешли к разумной части разговора.

— Хорошо. До утра торопиться некуда. Регистратор примет нас в десять, я договорился.

— На завтра?

— Мирена, затягивание ничего не изменит.

Я посмотрела на его правую руку. Обручальное кольцо было на месте, над костяшкой — старая белая царапина. Когда мы жили на севере, он разбил руку о железную скобу, помогая мне переставить тяжелый рабочий стол. Потом лежал у меня на коленях и жаловался, что от мастеров печатей одни убытки. Я целовала его пальцы, а он смеялся.

— Когда ты перестал меня любить?

Кассар медленно выдохнул. Впервые с начала разговора он выглядел не подготовленным.

— Я не могу назвать день.

— Попробуй хотя бы год.

— Ты хочешь сделать больнее себе?

— Я пытаюсь понять, где жила все это время.

Он встал, подошел к окну, некоторое время смотрел во двор. Там, за голыми ветками, виднелась лестница на посадочную площадку. По ней поднимались двое офицеров, придерживая полы плащей.

— Мы изменились. Это бывает. Я благодарен тебе за многое.

Я ощутила тошноту так резко, что поставила ноги тверже на пол.

— Не надо перечислять.

— Я и не собирался.

— Ты уже начал.

Он обернулся. Лицо у него оставалось красивым, знакомым до мелочей. На нем не было ни страха потерять меня, ни сомнения. Только досада от того, что все проходит тяжело, хотя он предусмотрел даже мой будущий двор.

— Ты любишь ее?

— Да, — сказал он после короткой паузы.

Вот этого ответа я и добивалась.

Я положила листы в папку. Один попал криво, выступил краем. Я попыталась поправить, не смогла с первого раза и оставила как было.

— Я пойду.

— Куда?

— В свою мастерскую.

— Ты там только что была.

— Знаю.

Я дошла до двери. Кассар произнес мое имя уже другим голосом, мягким, почти прежним. Я остановилась. Несколько мгновений ждала, совершенно против своей воли.

— Не сиди на холоде. У тебя опять начнут болеть руки.

Я вышла, не ответив.

Мастерская находилась в конце коридора, над служебным двором. От наших комнат до нее было сорок три шага, если идти не торопясь. Я знала число, потому что однажды во время болезни Кассара ходила туда греть воду для компресса и считала, лишь бы не думать о его жаре.

У двери пришлось дважды повернуть ключ. Замок заедал давно; я все собиралась попросить дворцового слесаря посмотреть его и забывала. Когда попала внутрь, сразу заперлась.

На столе лежала бронзовая пластина. Я делала простую защиту от сквозняка для двери в комнату старой прачки. Из нижнего двора тянуло ледяным воздухом, а дворцовый мастер третий день был занят в западном крыле. Я вызвалась помочь и обещала закончить до вечера.

Теперь эта пластина казалась непомерно трудной задачей.

Я опустила на табурет и поставила папку на пол. На чертеж было нельзя: по его краю лежали мелкие винты. Рядом стояла чашка с давно остывшим чаем. Я хлебнула, почувствовала горечь и наконец заплакала.

Плакала некрасиво, не в силах вдохнуть. Зажимала рот рукавом, чтобы не услышали в коридоре, потом злилась на себя за это. Кассар больше не любил меня, а я все еще старалась, чтобы его людям не пришлось стоять за дверью и решать, нужно ли звать хозяина.

В какой-то момент я поднялась и попыталась умыться над тазом. Вода оказалась холодной. Я плеснула на щеки, намочила ворот, выронила полотенце. Его пришлось поднимать с пола, и это простое движение помогло перестать всхлипывать.

В маленьком зеркале у шкафа отражалась женщина с красными глазами и растрепавшимися волосами. На левой скуле была светлая полоса бронзовой пыли. Я стерла ее влажными пальцами.

Мне было тридцать четыре. Я не выглядела старухой. Я не стала другой за те полчаса, что провела в гостиной. Но уже ловила себя на желании рассмотреть каждую складку у глаз, каждую неровность кожи и найти причину.

Лиоре было двадцать девять. Всего пять лет разницы. От этого почему-то становилось еще хуже: нельзя было даже спрятаться за простое объяснение, что он погнался за девочкой.

Я открыла окно на ладонь. Снизу донесся грохот тележки, потом смех. Дворцовая жизнь продолжалась без усилия. Кухня готовила ужин, конюшенные выводили лошадей, над крышей пролетел дракон с серыми перепонками крыльев. Я смотрела, пока он не скрылся за башней.

Когда-то Кассар возил меня к реке на рассвете. В драконьем облике он был огромным, золотисто-бронзовым; мне нравилось проводить ладонью по теплой чешуе на его шее. Он опускался так низко, что я могла забраться без помощи, и все равно придерживал меня хвостом. В полете я смеялась, уткнувшись в ворот его запасного плаща. Боялась высоты и доверяла ему совершенно.

Я закрыла окно. В комнате быстро стало зябко.

За несколько лет моя работа сократилась до таких вот мелких починок. Дверь прачки, кухонная вытяжка, окно в спальне. Я любила точную настройку, любила момент, когда линии на металле отзывались ровным светом. Но больше не брала заказов, не спорила с поставщиками, не откладывала деньги на новые инструменты. Для этого всегда находилась уважительная причина. Переезд. Прием. Болезнь мужа. Еще один прием, который нельзя поручить экономке: люди должны были чувствовать личное внимание супруги будущего Верховного.

Я села за стол и взяла резец. Пальцы дрожали так сильно, что лезвие дребезжало о край пластины.

Пришлось отложить его.

В дверь постучали.

— Госпожа? Вам принести ужин сюда?

Это была камеристка. По вечерам она обычно помогала мне переодеваться, если предстояло идти к общему столу.

— Сегодня будет общий ужин?

— Нет, госпожа. Верховный велел подать в малую столовую.

Я посмотрела на себя. Масляное пятно на локте успело расползтись.

— Кто-нибудь еще приглашен?

За дверью замялись.

— Мне не говорили.

Я ненавидела, что задала этот вопрос. Представила Лиору за нашим маленьким столом, поднесенную к ее губам мою чашку, и почувствовала новое дурное головокружение.

— Я спущусь позже. И еще... — Мне пришлось прокашляться. — Пожалуйста, передайте прачке, что сегодня я не закончу. Ее дверью займется мастер. Я оставлю записку о том, что нужно сделать.

— Вы заболели?

— Нет. У меня другие дела.

Камеристка ушла, а я долго сидела перед незаконченной пластиной. Никто не умер от того, что я не выполнила обещание немедленно. Прачка переждет еще день. Мастер получит описание неисправности. Мир не требовал, чтобы я сейчас удерживала резец мокрыми пальцами и делала вид, будто способна работать.

Я написала короткую записку. Проверить нижнее крепление, заменить изношенный винт, закончить контур. Оставила рядом с пластиной.

Потом достала с верхней полки дорожный футляр для инструмента. Он был старый, кожаный, с треснувшей застежкой. Отец купил мне его к окончанию обучения. На внутренней стороне крышки темнело пятно: однажды я пролила проявляющее масло и боялась сказать. Отец посмотрел, попробовал оттереть, потом решил, что теперь мой футляр никто не перепутает.

Я положила внутрь три личных резца, угольник и измерительную нить. Дворцовые инструменты остались на столе. Их я не покупала и не хотела выяснять потом, могла ли увезти.

Под футляром обнаружилась плоская коробка с бумагами. Я складывала туда то, что не требовалось при дворе: старые письма, учебные записи, квитанции из Ривеля. Коробку привезли после смерти матери. Два года она стояла почти нетронутой.

Я вынула связку ключей на выцветшем зеленом шнурке. Большой — от входной двери. Маленький — от заднего выхода во двор. Длинный тонкий — от кладовой, где мать держала варенье и сушеную мяту.

Из-за мятного чая я и вспомнила: дома она всегда ставила чайник второй раз, когда я приезжала поздно. Не спрашивала, почему не предупредила. Сначала кормила.

Мать умерла в начале осени, два года назад. На похороны мы поехали вместе с Кассаром. Он был внимателен, все устроил, поговорил с местным служителем, проследил за возвращением. Я благодарила его за то, что он взял на себя хлопоты. Теперь, перебирая ключи, вспомнила еще кое-что: домой после похорон мы выехали на следующее утро. Я хотела остаться на несколько дней, разобрать кухню, посидеть у окна. Кассар сказал, что в столице нам легче будет не поддаваться скорби.

Я согласилась. Мамины чашки до сих пор, наверное, стояли там, где она их оставила.

Дом на верхней дороге. Две комнаты наверху. Большое помещение внизу, в котором когда-то работал отец. После его смерти мать держала там сундуки и сушила травы на веревках под потолком. Окна выходили на улицу, с дальнего угла двора было видно реку.

Я могла поехать туда.

Мысль была настолько простой, что я сперва не поверила ей. До этого будущее умещалось в дом у Западного сада, назначенное содержание и утреннее посещение регистратора. Теперь появился другой адрес. Холодный, неухоженный, свой.

Я нашла документ о наследовании. Бумага пожелтела на сгибе, но печать читалась ясно. Кассар когда-то предложил продать дом: пустующее имущество требовало расходов. Я попросила подождать до весны, потом еще до одной. Он перестал напоминать. Возможно, забыл о нем.

На дне коробки лежала моя гильдейская книжка.

Обложка была темно-зеленой, углы обтерлись. Внутри — имя, запись об обучении, отметки о допуске к самостоятельной работе. Мирена Вейр. Под последней стояла широкая подпись Освина Кресса, принимавшего у меня выпускную работу.

Я провела пальцем по подписи. Освин ругал меня за нетерпение: я любила начинать настройку, не проверив все крепления дважды. «Сначала то, на чем держится, потом то, что светится», — повторял он. Тогда я думала, что опытные мастера просто любят тратить чужое время.

Личных записей о практике было немного. Я успела поработать меньше года до свадьбы и еще некоторое время после, между переездами. Этого не хватало для уверенности. Но я хотя бы знала, к кому обратиться.

Я сложила книжку, наследственную бумагу и ключи в отдельный карман сумки. Сумка сразу стала тяжелее. Я подняла ее за ремень и подержала в руках.

В коридоре снова послышались шаги. На этот раз никто не постучал. Шаги прошли мимо к нашим комнатам, и я поняла, что сижу в мастерской уже в темноте.

До ночи нужно было прочесть папку.

В малой столовой был накрыт стол на двоих.

Я остановилась у двери, и камеристка, шедшая за мной с чистой шалью, чуть не наткнулась мне на спину. Кассар сидел у огня и просматривал письмо. Поднял голову.

— Ты долго. Я велел не убирать.

— Я не просила ждать.

— Нам обоим нужно поесть.

За столом стояли наши обычные стулья. В тарелке перед моим местом лежала салфетка, сложенная лодочкой. Я села.

Суп пах сливками и кореньями. Я проглотила несколько ложек. Кассар ел молча, не торопился. Сегодня мне хотелось, чтобы он хоть раз выронил ложку, перепутал слова, не сумел проглотить кусок.

— Лиора будет жить здесь? — спросила я, когда слуга вышел.

— После свадьбы.

— Ей понравилась спальня?

— Мирена.

— Я не спрашиваю из желания устроить ссору. Она была в наших комнатах?

Он отложил ложку.

— Нет. Я не приводил ее сюда.

Я кивнула. Небольшое облегчение вызвало у меня почти стыд. Как будто существовала такая степень аккуратности, при которой все остальное становилось терпимым.

— Я прочитала соглашение, — сказала я. — Сегодня ничего подписывать не буду.

— Для этого и назначена встреча завтра.

— До встречи я поговорю с регистратором одна.

— Он объяснит то же самое.

— Тогда это не займет много времени.

Кассар налил воды в мой стакан. Кольцо тихо звякнуло о край кувшина.

— Ты боишься, что я оставлю тебя без средств?

— Я хочу понимать, что подписываю.

— За двенадцать лет я дал тебе повод сомневаться в моей порядочности в денежных вопросах?

Я посмотрела на него. Он выдержал взгляд несколько секунд, потом поджал губы.

— Не смешивай все в одно.

— Мне пока трудно разделять.

Он откинулся на спинку стула.

— Дом, содержание, привычный образ жизни. Я предлагаю больше, чем многие получили бы в твоём положении.

— Я не знаю, что получили бы другие. Завтра узнаю, на что имею право я.

У меня снова начали дрожать пальцы. Я положила их на колени. От собственного голоса болело горло: приходилось каждый ответ проталкивать через страх его недовольства.

Кассар заметил дрожь или, возможно, просто решил, что я близка к слезам. Выражение лица смягчилось.

— Ты не должна ничего решать сейчас. Останься здесь на неделю. Осмотрись в новом доме. Если понадобится другое место, обсудим.

— Мне нужно переночевать в восточной комнате.

— Зачем? Я могу уйти в кабинет.

Я знала эту комнату: там стояла широкая кровать, и Кассар нередко оставался там после поздних совещаний. В последние месяцы я сама просила не будить его, если он уснул над бумагами.

— Я хочу лечь в восточной, — повторила я.

Он потер большим пальцем основание кольца.

— Как тебе удобнее. Скажу, чтобы протопили.

— Я уже попросила.

Повисла короткая пауза. Снаружи звякнула посуда: слуга ждал, когда можно войти.

— Ты выбрала время, — сказал Кассар тише. — Завтра у меня заседание после полудня. Я не могу несколько часов объяснять регистратору, почему мы не договорились.

Впервые за вечер я почти рассмеялась. Воздух вышел из груди коротким, болезненным толчком.

— Я выбрала время?

Он посмотрел на свою тарелку.

— Неудачно выразился.

— Я понимаю. Ты рассчитывал все закончить до заседания.

— Я рассчитывал, что мы сумеем поговорить спокойно.

— Я сижу напротив тебя за ужином и разговариваю. Тише я уже не могу.

Кассар ничего не ответил. Я допила воду, потому что во рту было сухо.

Нам принесли рыбу. Я автоматически подвинула к мужу соус, который он любил, и замерла с протянутой рукой. Кассар взял соусник. Поблагодарил. Наверное, он даже не заметил, что случилось.

Я отрезала небольшой кусок. Заставила себя проглотить, потом еще один. Впереди было утро, и встреча, и неизвестно сколько разговоров. Падать в обморок от голода я не собиралась.

— Мы могли бы попробовать иначе, — произнесла я вдруг.

Эти слова вышли прежде, чем я успела их остановить. Я прикусила внутреннюю сторону щеки.

Кассар смотрел на меня без удивления. Он, наверное, ждал их с самого начала.

— Мы уже пробовали, Мирена.

— Нет. Я пробовала не мешать тебе работать. Это не то же самое.

— Сейчас поздно искать, кто что должен был сделать.

Я опустила глаза. Мне хотелось уговорить его уехать куда-нибудь, вспомнить первые годы, провести хотя бы один вечер без бумаг. На секунду я даже готова была обещать, что забуду Лиору. От этого желания стало страшнее, чем от всего, что он мне сказал.

Он не просил остаться. Я сама искала способ остаться там, откуда меня уже убрали.

— Да, — ответила я. — Похоже, поздно.

После рыбы я поднялась. Кассар тоже встал. Проводил меня до двери, коснулся локтя.

— Постарайся поспать.

Я отступила на полшага. Его рука осталась в воздухе и медленно опустилась.

В восточной комнате пахло недавно затопленным камином. Простыни были прохладные, на туалетном столике стояла знакомая щетка для волос. Камеристка принесла ее из моей спальни, и я испытала к ней благодарность, от которой опять захотелось плакать.

— Вам помочь раздеться?

— Да. Пожалуйста.

Я повернулась спиной. Сама не справилась бы с мелкими пуговицами между лопаток. Женщина расстегивала их привычно и быстро. Не спрашивала ничего.

— Дорожную сумку оставить здесь? — спросила она потом.

— Здесь.

— А платье?

Я посмотрела на платье у нее в руках. Кассар говорил, что светлые цвета делают меня моложе. В последнее время большинство моих нарядов были светлыми.

— Завтра выберу. Пока принесите серое дорожное. И теплые чулки.

Когда она ушла, я долго расчесывала волосы. Кожа головы болела там, где весь день держали шпильки. В зеркале я выглядела уставшей, с припухшими веками. Мне не хотелось ни нравиться себе, ни искать в отражении будущую счастливую женщину. Хотелось, чтобы перестало болеть в груди.

Я достала из папки согласие Кассара. Его подпись стояла на месте. Рядом лежало соглашение о содержании, в котором он оставил пустой строку для моего имени.

Я убрала второй документ под первый. Утром спрошу, обязательно ли подписывать оба. Спрошу про дом, про долю в общем имуществе, про собственные сбережения. Если не смогу запомнить ответы, попрошу записать. Такие вопросы задавали взрослые люди каждый день. Мне не требовалось быть особенно смелой, чтобы открыть рот перед регистратором.

Потом я легла и почти сразу села снова. За стеной хлопнула дверь, раздались мужские голоса. Я разобрала голос Кассара, поднялась на ноги, успела дойти до середины комнаты. Хотела проверить, не нужно ли велеть подать поздний чай.

Остановилась, постояла босиком на ковре и вернулась к кровати.

Сумка стояла у стула. Я положила поверх нее ключ на зеленом шнурке, чтобы утром не искать. Он был слишком большой для бокового кармана и некрасиво оттопыривал кожу.

Голоса в коридоре стихли. Я потянулась к светильнику, погасила его и легла на середину широкой кровати.

Глава 2. Моя фамилия

Я проснулась от скребущего звука за окном и несколько мгновений не понимала, где нахожусь. На потолке не было привычной лепнины. Вторая подушка лежала нетронутой. Ветка каштана касалась стекла каждый раз, когда ветер поворачивал со двора.

Потом я вспомнила вчерашний вечер.

Я села, прижав одеяло к животу, и некоторое время смотрела на свои ступни.

Из коридора доносился запах кофе.

На стуле лежало серое дорожное платье. Я оделась сама, потратив слишком много времени на крючки у воротника. Волосы собрала низко, не пытаясь придать им красивую форму. Кожа вокруг глаз саднила после умывания, зато руки уже почти не дрожали.

В столовой меня ждал один прибор.

— Верховный у себя, — сказала камеристка. — Просил передать, что выезжает без четверти десять. Вы можете позавтракать спокойно.

— Я поеду раньше.

Она посмотрела на часы.

— Позвать экипаж?

— Да. К половине девятого.

— Согрею вам еще кофе.

Я хотела сказать, что и так достаточно хлопот, но промолчала. Кофе был нужен. Как и ломоть хлеба, яйцо, кусочек сыра. Я ела медленно, заставляя себя не отвлекаться на шаги в коридоре.

Кассар вошел, когда я допивала чашку. Он уже был одет для выезда. Темный камзол, драконья брошь, перчатки в левой руке. Под правым глазом легла тень; возможно, он тоже плохо спал. Я испытала глупое облегчение, сразу заметила его и отвела взгляд.

— Почему тебе подают экипаж раньше?

— Я говорила вчера. Хочу задать регистратору несколько вопросов до нашей встречи.

— Могла бы спросить у меня.

— Я спросила. Теперь спрошу у него.

Кассар посмотрел на портфель с бумагами, лежавший на соседнем стуле.

— Ты не обязана превращать это в тяжбу.

— Я пока только собираюсь прочесть документы с человеком, который понимает, что в них написано.

Он хотел что-то возразить, но в дверях появился слуга. Сообщил, что экипаж готов.

Кассар отступил, давая мне пройти. Я подняла портфель. Рукав задел его перчатки; от знакомого запаха кожи зашипало глаза. Прежде чем выйти, я взяла со стола чистый носовой платок. Сложила его в карман на виду у мужа, без попытки сделать вид, будто он мне не понадобится.

В приемной регистратора было тепло от железной печи. Две женщины спорили вполголоса о нужной справке, молодой мужчина держал на коленях нарядную коробку. У дальней стены сидела пара, крепко сцепив руки. По тому, как девушка смотрела на белый воротничок спутника и разглаживала большим пальцем его манжету, можно было догадаться, зачем они пришли.

Я села в стороне.

В день нашей свадьбы Кассар тоже был в светлом. Военные тогда смеялись, что командир наконец научился отличать парад от строевого смотра. Он стоял передо мной без перчаток и все время касался моей ладони, хотя служитель велел не мешать нанесению брачной печати.

Я поправила на запястье рукав. Знак под ним был едва заметен: тонкий замкнутый рисунок, цветом немного светлее кожи. За двенадцать лет он не причинил мне ни боли, ни радости. Просто подтверждал то, что мы однажды заявили перед свидетелями. Любовь приходилось узнавать иначе.

Писарь вышел из кабинета, назвал меня госпожой Арден и пригласил пройти.

Регистратор оказался сухощавым мужчиной с коротко подстриженными седыми волосами.

— Верховный будет к десяти, — сказала я. — Я приехала раньше, потому что хотела разобраться в бумагах.

— Хорошо. Вы вправе получить разъяснения отдельно. Садитесь.

Я села напротив и разложила листы. Он внимательно просмотрел согласие Кассара, затем договор о содержании и третью бумагу. Указательным пальцем сдвинул очки вверх по переносице.

— Вы уже подписывали что-нибудь, относящееся к этим условиям?

— Нет.

— Давали доверенность на подписание?

— Тоже нет.

— Тогда начнем с простого. Желаете ли вы расторгнуть брак?

В кабинете было слышно, как кто-то за стеной ставит тяжелую печать. Сухой удар, скрип пера, еще один удар. Я посмотрела на свои руки.

— Мой муж хочет жениться на другой женщине.

— Это объясняет его решение. Я спрашиваю о вашем.

Я подумала о доме у Западного сада. О возможности соглашаться еще неделю, месяц, год. О том, что Кассар будет приходить из вежливости, интересоваться расходами, говорить со мной мягко и смотреть на часы. Мое согласие не возвращало его и не прогоняло. Он уже ушел, оставив мне дело, которое требовалось закончить.

— Да, — сказала я. — Желаю.

Регистратор кивнул и отложил первый лист отдельно.

— Согласие супруга заверено, ограничений для расторжения по взаимному заявлению я здесь не вижу. Имущественные отношения можно урегулировать позднее.

— Мне не нужно подписывать это? — Я коснулась соглашения.

— Чтобы расторгнуть брак — нет.

Он пододвинул ко мне страницу со строкой о репутации.

— Это предложение вашего супруга. Вы можете принять его целиком, предложить изменения или отказаться. При отказе сохраняются обычные имущественные требования. Наличие этой бумаги не означает, что вы уже дали согласие на ее условия.

— Кассар сказал, что все подготовлено.

Регистратор посмотрел на меня поверх очков.

— Подготовлено. Вашей подписи пока нет.

— У меня есть дом в Ривеле. Достался от матери. Я могу там жить?

— Он оформлен на вас?

Я вынула наследственный документ. Мужчина сверил имя, дату, печать.

— Да. Личное наследство не становится собственностью супруга из-за брака. Для проживания в своем доме вам не требуется его согласие. Есть еще вопрос?

— Деньги. У меня есть собственные сбережения и счет, с которого оплачивались расходы по дому. Я не знаю, какую часть могу забрать.

— Личные средства — в зависимости от их происхождения. Деньги на ведение хозяйства расходовать для переезда без согласования не советую. Лучше взять выписку, отделить под-

твержденные личные поступления. По остальному подать отдельное требование. Я могу дать вам перечень документов.

Он говорил без торопливости и не пытался утешать. Именно от этого становилось легче.

Я достала из кармана небольшой листок, на котором ночью набросала вопросы. Их было семь. На третьем я остановилась: не могла разобрать собственное слово. Регистратор терпеливо подождал.

— Украшения, подаренные мужем, — спросила я наконец, — тоже нужно делить?

— Личные подарки обычно остаются у получившего. При наличии спора обстоятельства подарка придется подтвердить. Есть вещь, о которой вы особенно беспокоитесь?

Я вспомнила серьги с годовщины.

— Нет. У меня есть мамино кольцо. Про остальное я могу решить потом.

Он сделал пометку в списке.

— Фамилию супруга желаете сохранить? — спросил регистратор.

— Нет. Вейр.

Я назвала ее негромко, без торжественности. Регистратор раскрыл реестровую книгу на чистом листе.

— Мирена Вейр. Записал.

В дверь постучали. Писарь сообщил о прибытии Верховного дракона.

У меня мгновенно напряглись плечи.

Он вошел быстро, поздоровался с регистратором, коснулся спинки моего стула.

— Все выяснила?

— Да.

— Хорошо. Тогда приступим.

Регистратор предложил ему соседний стул. Кассар сел и положил перчатки на колени.

— Госпожа Арден согласна на расторжение брака, — сказал мужчина. — Имущественное соглашение сегодня подписываться не будет. Соответствующие вопросы стороны урегулируют отдельно.

Кассар повернулся ко мне.

— Ты хочешь изменить сумму?

— Я отказываюсь от предложенного содержания.

— Мирена, мы обсуждали...

— Обсуждали. Я решила не принимать его на этих условиях.

Он перевел взгляд на регистратора. Тот сидел совершенно спокойно.

— Какие именно условия вызывают затруднение? — спросил Кассар.

— Я собираюсь жить в другом месте. И не хочу, чтобы мой доход зависел от того, насколько тебе нравится мое поведение.

— Это преувеличение.

— Тогда нам тем более проще разделить имущество обычным порядком.

Я слышала собственное дыхание. Оно стало неглубоким, слишком частым. Хотелось повернуть разговор назад, сказать, что необязательно решать сейчас, дать ему возможность закончить его удобно. Я сцепила пальцы под столом и ждала.

Кассар взял первый лист, пробежал глазами свою подпись.

— Если речь о каких-то конкретных пунктах, их можно обсудить без посторонних.

— Я уже решила, — сказала я.

Он посмотрел на часы. Потом положил документ перед регистратором.

— Мое согласие остается в силе.

От этих слов я почувствовала облегчение и боль одновременно.

Регистратор задал несколько положенных вопросов. Наличие совместных несовершеннолетних детей — нет. Оба действовали от собственного имени. Препятствий не заявляли. Я отвечала, глядя на край чернильницы.

Когда речь зашла о детях, Кассар ничего не добавил. Я была благодарна ему хотя бы за это. Я вспомнила, как спрашивала о детской еще в северном доме. Кассар хотел дождаться назначения, потом переезда, потом окончания трудного года. Я соглашалась, потому что общее будущее представлялось длинным и надежным.

Писарь принес свежий лист. Я прочла его от начала до конца. Подтвердила расторжение брака без отказа от неурегулированных имущественных прав. Взяла перо.

В последний момент Кассар положил ладонь на край стола рядом с моей.

— Мирена.

Я подняла голову.

— В вопросах дома я по-прежнему готов помочь.

— Я услышала.

Ничего другого он не сказал. Я расписалась.

Печать сняла помощница регистратора в соседней комнате. Там стояли два мягких стула и стол с узким углублением для предплечья. Кассар остался у регистратора; его собственный знак могли погасить после меня. Нам не требовалось держаться за руки.

— Бывает немного горячо, — предупредила женщина. — Если неприятно, скажите. Вы можете посмотреть в окно.

— Я посмотрю на руку.

Она подложила мне под запястье сложенную ткань. Провела гладким стеклянным стержнем по линии рисунка. Я почувствовала тепло, потом легкое покалывание. Светлый след стал ярче, на секунду обозначив каждую петлю, и потускнел.

Я ждала, что произойдет что-то еще.

Сердце стучало так же. В коридоре кто-то отряхивал мокрые сапоги о каменный порог. На рукаве помощницы недоставало пуговицы. Мир не дал мне отдельного мгновения, в которое я могла бы перестать любить.

— Готово, — сказала она. — Кожа может быть чувствительной до вечера. Не растирайте. Я поднесла руку ближе к глазам. На ней остался едва заметный розоватый круг.

— Это пройдет?

— Да. Обычно за несколько часов.

Она имела в виду кожу. Я кивнула и застегнула рукав.

Когда вернулась в кабинет, регистратор уже подготавливал выписки. Кассар стоял у окна и разговаривал с писарем о назначенном заседании. Они замолчали при моем появлении.

Мне передали документ на фамилию Вейр. Я прочла ее и машинально проверила остальные строки. Дата, место, подписи. Все совпадало.

— Куда тебя отвезти? — спросил Кассар на крыльце.

Мокрый снег набивался между камнями. Возница уже придерживал дверцу его экипажа, дворцовый знак на ней блестел от воды.

— Сначала в гильдию.

Он удивился.

— Зачем?

— Узнать, что нужно для восстановления практики.

— Ты собираешься брать заказы?

Я была слишком уставшей, чтобы объяснять это подробно на ступенях под дождем.

— Собираюсь узнать, как их брать.

Кассар оглянулся на экипаж.

— Мой отвезет тебя. Сам возьму служебный.

Я покачала головой.

— У меня остался утренний. Он ждет за поворотом.

— Мирена, я предложил обычную помощь.

— Спасибо. Мне сейчас не нужно.

Он надел перчатки, медленно натягивая каждую на пальцы.

— Увидимся дома. Я ненадолго вернусь перед заседанием.

Я не стала поправлять слово «дома». Подняла воротник и спустилась с крыльца, придерживая подол.

Внутри пахло горячим металлом, мокрой шерстью и клеем. На стенде у входа висели объявления о ценах на бронзовые заготовки. Я остановилась перед ними так надолго, что служитель спросил, не нужна ли мне помощь.

Цены изменились. Это было глупо, но именно эта мелочь почти заставила меня уйти. Я могла хранить диплом, помнить формулы настройки, узнавать царапины на старом резце.

— Мне нужно подать запрос о возобновлении практики, — сказала я.

Служитель указал на боковую дверь.

За стойкой сидела женщина с чернильным пятном на пальце. Она приняла гильдейскую книжку, сверила номер.

— Последняя подтвержденная самостоятельная работа давно. Вы занимались ремеслом все эти годы?

— Иногда. Для дома. Небольшой ремонт, бытовая защита. Я жила при дворце.

Женщина подняла взгляд на мою одежду, потом вернулась к книжке.

— Допуск к платным заказам потребует возобновить. Право на профессию у вас сохраняется, но нужна проверка после перерыва. Кто принимал выпускную работу?

— Освин Кресс. Я хотела написать ему.

— Он еще ведет оценки для гильдии. Запрос передадим. Добавьте, где вас искать.

Мне дали чистую бумагу. Я села за узкий стол у стены и некоторое время смотрела на верхний край листа.

«Уважаемый мастер Кресс...»

Я зачеркивать не стала, хотя обращение показалось чужим. Последний раз Освин видел меня на выпускном осмотре, строго проверял защиту дверного проема и спросил, как долго продержится кристалл при повышенной нагрузке. Я ответила слишком уверенно, получила замечание и потом месяц сердилась. Он не знал ни о моем браке изнутри, ни о вчерашнем разговоре. Ему и не требовалось знать все это, чтобы прочесть профессиональный запрос.

Я написала, когда окончила обучение, что сохранила инструменты и записи, что хочу снова работать. Назвала Ривель и материнский дом на верхней дороге. Попросила сообщить, что понадобится для проверки. В конце добавила простое: «Буду благодарна, если вы сможете мне ответить».

Потом перечитала. Ни слова о том, какой должности достиг Кассар. Я не собиралась просить Освина о снисхождении к чужой бывшей жене.

Женщина за стойкой приняла письмо и переписала адрес.

— Вейр, — сказала она. — В реестре вы так и записаны. Брачную фамилию вносили отдельно?

— Нет. Когда перестала брать заказы, не понадобилось.

— Тогда исправлять ничего не нужно. Возьмите заверенное подтверждение обучения. О допуске мастер сообщит после рассмотрения.

Она приложила печать, подула на чернила и протянула мне бумагу.

Я убрала ее в портфель рядом с выпиской о разводе. Два документа, полученные за одно утро, сообщали обо мне совершенно разные вещи. Второй напоминал то, о чем я сама почти перестала думать.

У выхода двое учеников тащили длинную доску. Передний шел спиной, ругался и просил напарника не отпускать край. Я отступила к стене, пропуская их. Мальчишки были так заняты собой, что не взглянули на меня.

Мне стало легче. Здесь никто не ждал, что я красиво переживу развод с Верховным драконом. Здесь вообще пока не знали о разводе.

К полудню я вернулась во дворец. У входа меня встретил тот же слуга, который помогал садиться в экипаж утром. Он взял портфель и, прежде чем я успела удержать, привычно сказал:

— Добро пожаловать домой, госпожа.

Я поблагодарила его.

В спальне было прибрано. На моей стороне туалетного стола лежали два сложенных платка, которые я не взяла утром. Цветы в вазе заменили свежими. Кто-то продолжал готовить эту комнату к вечеру, когда я уже не собиралась в ней спать.

Камеристка открыла шкаф.

— Сколько платьев уложить?

Я посмотрела на длинный ряд плечиков. Там было платье, в котором мы праздновали назначение Кассара. Темно-вишневое, с открытыми ключицами. Тогда он прошептал, что хочет поскорее остаться со мной наедине, и я весь вечер ловила его взгляд через зал. Это было три года назад. Оказалось, я могла вспомнить точную дату, когда чувствовала себя желанной, и от этого захотелось закрыть шкаф целиком.

— Два повседневных. Шерстяную юбку, теплый жакет. Белье.

— А вечерние?

— Пока останутся здесь. Я составлю список того, что заберу позднее.

Женщина взглянула на меня и отвела глаза. Она уже знала или догадалась; в доме, где подали отдельную кровать и вызвали регистратора, долго скрывать происходящее было невозможно.

— Вам приготовить небольшой сундук?

— Да, небольшой. В сумке оставлю бумаги и то, что понадобится в дороге.

В сундук вместе с одеждой легли учебные чертежи и несколько личных вещей из мастерской. Мы складывали их вместе. В какой-то момент я достала из верхнего ящика шкатулку с драгоценностями и открыла ее.

Серьги, подаренные к годовщине, лежали на темном бархате. Крупные светлые камни, тяжелые подвески. Я подняла одну, почувствовала ее вес на пальцах и положила обратно.

Мне хотелось швырнуть их в камин. Представила, как камни падают между поленьями, как потом слуги ищут их в золе, и закрыла шкатулку.

— Это внесем в список, — сказала я.

Мамино кольцо я надела. Простое, серебряное, с маленьким зеленым камнем. Оно оказалось чуть свободнее, чем я помнила. Пришлось повернуть его, чтобы не цеплялось за подкладку перчатки.

Из запертого ящика я забрала конверт с личными деньгами. К нему хранились бумаги о небольшой сумме, оставшейся после оформления материнского наследства. Я давно не трогала ее: в доме Кассара собственные деньги казались запасом на случай, который никогда не наступит.

Теперь следовало узнать цены на еду, дрова и жилье в дороге. На бронзовые пластины я уже посмотрела. Этого запаса не хватит на годы, но на переезд и первые расходы должно было хватить, если не считать свои желания приказами для чужого кошелька.

Я положила часть монет в обычный кошелёк, остальное спрятала во внутренний карман. Бумаги остались вместе с наследственным документом.

Кассар вошел без стука. Камеристка выпрямилась и отступила к двери.

— Оставь нас, — сказал он.

Я продолжала сворачивать чулки. Один край никак не ложился ровно. Пришлось положить их на кровать.

Кассар оглядел открытый сундук.

— Ты все-таки решила переехать сегодня?

— Да.

— Я распоряжусь насчет дома у сада. Пока там только сторож, но к вечеру людей переводят.

— Я еду в Ривель.

Он поднял брови. В его лице мелькнуло настолько искреннее недоумение, что я почти почувствовала себя провинившимся ребенком.

— В материнский дом?

— У меня там другого нет.

— Мирена, он два года пустовал.

— Знаю.

— Нет, похоже, не знаешь. Ты была там хоть раз после похорон?

Я покачала головой.

— Там может оказаться все что угодно. Треснувшие трубы, сырые стены. Ты приедешь к ночи и будешь стоять на улице с сумкой. Дождись хотя бы, пока я отправлю человека проверить.

Он говорил о реальных вещах. От этого спорить было труднее. Я не имела понятия, как выглядит дом после двух зим. Деньги на присмотр переводили через местную контору, а я довольствовалась короткими отметками о получении.

— Если там нельзя переночевать, я сниму комнату, — ответила я. — Осмотрю при дневном свете. Необязательно сразу въезжать.

— В какую комнату? На постоялом дворе?

— Если понадобится.

Кассар сел на край кровати. На нашу кровать, между аккуратной стопкой моего белья и открытым дорожным сундуком.

— Послушай себя. У тебя есть все, чтобы жить спокойно, а ты собираешься мерзнуть в провинции и платить за ночлег среди торговцев. Кому ты хочешь что-то доказать?

Я опустила глаза на его руку. Он придерживал край матраса рядом с моими чулками. Это место я столько раз занимала утром, пока он завтракал, что от привычности его позы снова свело горло.

— Я хочу уехать, Кассар. Мне здесь плохо.

Он помолчал.

— Я понимаю. Поэтому и предлагаю другой дом.

— Он твой. И деньги будут твои. Мне придется спрашивать тебя о любом изменении в собственной жизни. Я уже спрашивала достаточно.

— Не надо изображать себя пленницей. Ты ездила куда хотела, приглашала людей, распоряжалась домом.

Я знала, что могла бы перечислить случаи, когда это было неправдой. Но каждую отмененную поездку он объяснил бы необходимостью, каждого нежеланного гостя — обстоятельствами, каждый мой отказ от работы — нашим общим решением. Я и сама годами использовала те же объяснения.

— Я не собираюсь спорить о двенадцати годах сразу, — сказала я. — Сегодня я могу выбрать, куда ехать. И выбрала.

— На что ты будешь жить?

— Сначала на свои деньги. Потом постараюсь заработать. И у нас остается раздел имущества.

Его лицо стало жестче.

— Значит, дело все-таки в этом.

Я посмотрела на него, и на секунду меня накрыла такая усталость, что хотелось сесть прямо на пол.

— Да, в том числе в деньгах. Мне нужно будет покупать еду. Я не хочу стыдиться этого вопроса только потому, что раньше ты решал его за нас обоих.

Кассар поднялся. Подошел к окну, поправил манжету. Когда обернулся, в голосе снова было спокойствие.

— Я не собираюсь тебя обделять. Но расчеты потребуют времени.

— Я понимаю.

— Тогда не принимай поспешных решений. Поживи в Ривеле, если тебе так нужно. Дом у сада пока будет свободен.

В его словах не было угрозы. Только уверенность, что холодная кухня и необходимость самой покупать свечи быстро вернут меня в предложенную жизнь.

Я вернулась к сундуку. Сверху лег теплый жакет.

— Я оставила список вещей, которые заберу позднее. Копия у меня. Больше сейчас не увезу.

Кассар взял лист с туалетного столика. Пробежал глазами.

— Все твои вещи останутся твоими. Не понимаю, к чему эти описи.

— Чтобы никому не пришлось потом вспоминать.

Он положил лист на место. Несколько секунд мы стояли молча.

— Экипаж отвезет тебя в Ривель, — сказал он.

— Я узнала расписание почтового. Он еще не ушел.

— И там ты тоже намерена ехать с торговцами?

Вопрос прозвучал почти с прежней усмешкой. Раньше я рассмеялась бы, сдалась, позволила ему еще раз позаботиться о том, чтобы все прошло удобно.

— Вероятно. Кто-то же должен с ними ездить.

Кассар посмотрел на меня внимательнее. Я не улыбалась.

За дверью раздался осторожный стук. Его ждали.

— Напиши, когда устроишься, — сказал он. — Я распоряжусь, чтобы тебе пересылали корреспонденцию. И не пренебрегай помощью из упрямства.

— Корреспонденцию пересылай, пожалуйста. Адрес есть в документах.

Он задержался у двери. Мне показалось, что хочет добавить что-то личное. Я даже перестала застегивать ремень на сундуке.

— Дороги сейчас плохие. Скажи вознице, чтобы не спешил на спуске.

— Скажу.

Кассар ушел. Я досчитала до десяти, прежде чем опять смогла двигаться.

На почтовом дворе пахло лошадыми и мокрой соломой. Навес протекал у края, и капли падали в поставленное ведро. Я держала под мышкой плоский футляр с инструментами; ремень дорожной сумки врезался в плечо.

Дворцовый возница передал небольшой сундук почтовому служителю. Я поблагодарила его и отпустила: сумку с бумагами и футляр с инструментами могла донести сама.

Из окошка конторы выглянул пожилой служащий.

— До Ривеля? Место одно осталось. Ночевка на станции, завтра после смены лошадей продолжим. При хорошей дороге к вечеру будете.

— Ночлег входит в плату?

— Общая комната. За отдельную доплачивают смотрителю, если свободна.

Я кивнула, хотя не знала, сколько стоит отдельная. Спросила о багаже, оплатила место и получила квитанцию. Внизу оставалась пустая строка.

— Имя и фамилия пассажира, — сказал служащий, пододвигая чернильницу. — Разборчиво, пожалуйста.

Я взяла перо. На миг рука сама пошла к знакомой высокой букве фамилии мужа. Остановилась прежде, чем коснулась бумаги.

Мирена Вейр.

Чернила легли неровно: перо было расщеплено. Я дописала последнюю букву, подула и вернула квитанцию.

Служащий взглянул, оторвал часть для себя, остальное протянул мне. Ничего не изменилось в его лице. Я стала для него женщиной, купившей место до Ривеля, и этого оказалось достаточно.

У экипажа грузили мешки с почтой. Мой сундук уже закрепили на багажной полке. Плотная пожилая пассажирка просила не ставить ее корзину под чужие сапоги. Я помогла ей приподнять ручку, и она придержала мою сумку, пока я забиралась внутрь.

— Садитесь к окну, — сказала она. — Только там тянет.

— Я укурюсь.

Я расправила на коленях дорожную шаль. Камеристка завернула в нее маленький сверток: хлеб, сыр, сушеные яблоки. Я обнаружила его перед выходом и успела вернуться, чтобы поблагодарить. Теперь прижала сверток к животу и посмотрела на мокрую улицу за стеклом.

Вчера в это время я проверяла список гостей на весенний прием. Сегодня никто не знал, что я буду есть на ужин. Я сама не знала.

Экипаж тронулся с тяжелым рывком. Соседка ухватила за ремень, я придержала футляр. За воротами возница повернул в сторону выезда из столицы, и дворцовые башни показались между крышами в последний раз.

Я не отвернулась. Смотрела, пока дома не закрыли их окончательно. Потом достала квитанцию, сложила по сгибу и убрала рядом с ключами.

Глава 3. Дом у переправы

На последнем спуске к Ривелю я убрала квитанцию в сумку. После ночи на дорожной станции дорога тянулась особенно долго. Бумага размякла на сгибе: я несколько раз доставала ее, проверяла фамилию и снова прятала.

Из окна экипажа показалась река. У берегов еще лежал сероватый лед, а посередине шла темная вода. На противоположном склоне теснились дома; между ними виднелась лестница к пристани, по которой я когда-то сбегала к отцу.

Теперь на третьей снизу площадке стоял новый фонарь. Верхние ступени переложили светлым камнем. Я заметила эти мелочи с неожиданной обидой: город два года жил без меня, и даже лестница успела измениться.

На почтовом дворе я получила сундук и наняла небольшой экипаж до дома. Когда возница закрепил багаж и тронул лошадь, я наконец перестала следить за каждым толчком колес.

— Вам на Верхнюю дорогу? — спросил он через открытое окошко.

— Да. К дому с узким двором, перед пекарней.

— Пекарню знаю. А дом теперь чей?

— Мой.

Он кивнул и прикрыл окошко. Ни удивления, ни следующего вопроса. Я откинулась на сиденье, положила ладонь на сумку и какое-то время смотрела на собственные перчатки. Ответить оказалось легче, чем я ожидала.

У дома возница помог поставить сундук под навес. Дорога пахла мокрым камнем и лошадиным потом. Из пекарни тянуло горячим тестом. После душного экипажа воздух казался таким холодным, что первые вдохи отозвались болью в груди.

Я рассчиталась, дождалась, пока колеса скроются за поворотом, и повернулась к калитке.

На воротах облупилась зеленая краска. Над дверью висел кривоватый железный кронштейн без фонаря. Осенью я просила управляющего справиться о доме. Мне ответили, что крыша цела и налоги уплачены. Я тогда решила, что этого достаточно, и вернулась к подготовке очередного приема.

Теперь в желобе у порога лежали слежавшиеся листья. Я носком сапога отодвинула их, вставила ключ и с первого раза не повернула.

Рука дрогнула. Я подумала о том, как нелепо будет вернуться в столицу, не сумев даже открыть дверь.

Потом вспомнила: замок всегда заедал. Надо было чуть приподнять ручку.

Внутри пахло пылью, холодным деревом и тем жильем, где давно не готовили еду. Из окон падал мутный вечерний свет. Внизу мать оставила большой стол, две узкие полки и кресло с продавленным сиденьем. На спинке висело покрывало, которым я укрыла его перед отъездом после похорон. Один край соскользнул и собрал пыль с пола.

Я не стала сразу снимать перчатки. Прошла через переднюю в кухню, потрогала железную дверцу печи. Холодная. На подоконнике стоял пустой глиняный горшок. Мать выращивала в нем душистую траву для чая, отрезала по два листочка и каждый раз говорила, что больше не нужно, иначе будет горчить.

Я заглянула под стол, будто там мог сохраниться хотя бы сухой стебель.

— Ну что ты, — сказала я себе вслух.

В пустой кухне собственный голос прозвучал непривычно громко.

Я поднялась наверх. Ступенька перед поворотом скрипнула точно так же, как в детстве. Окно в маленькой спальне оказалось неплотно закрыто, на подоконнике расплылось темное пятно. Я подтянула защелку и почувствовала под пальцами мягкую древесину. Рама требовала

ремонта. На кровати лежал свернутый матрас, снаружи холодный и чуть влажный. В соседней комнате было суше, но ставни закрывали весь свет.

Несущая стена под лестницей стояла ровно. Я проверила углы, заглянула под крышу через низкую дверцу. Ничего не обвалилось и не ушло в землю. Дом можно было привести в порядок. Мне хотелось, чтобы для этого не пришлось разбираться со всем сегодня.

Снизу постучали.

Я замерла, все еще держась за дверцу чердака. На секунду пришло совершенно нелепое ожидание: Кассар передумал, догнал экипаж и сейчас стоит на пороге. Я успела представить, как спущусь к нему, что скажу, как буду держать голову.

Постучали еще раз, терпеливее.

— Вы там живы? У вас сундук снаружи.

Женский голос вернул меня в холодную комнату.

У порога стояла полная женщина примерно моих лет, в толстом переднике и с выбившейся из косы светлой прядью. Одной рукой она придерживала накрытую полотенцем корзину, другой — мой сундук, который, видимо, попыталась втащить подальше от мороси.

— Я его сейчас заберу. Спасибо.

— Сейчас заберем. Сначала скажите, куда поставить хлеб.

— Я ничего не заказывала.

— Потому и принесла. После закрытия свежего уже не будет, а вы, похоже, не знаете, где здесь лавки.

— Знала когда-то.

Женщина посмотрела на меня внимательнее.

— Вы дочь хозяйки? Мирена?

Я кивнула.

— Нелла Брис. У меня пекарня через стену двора. Ваша мать покупала у нас хлеб с тмином, а потом уверяла, что в прошлый раз он был лучше. Каждый раз уверяла. Я долго пыталась понять, что меняю в тесте.

Я неожиданно улыбнулась.

— Она говорила так и отцу. Он приносил ей яблоки с одного и того же дерева.

— Значит, зря я мучила подмастерье.

Нелла поставила корзину на полку и повернулась к сундуку. Мы взяли его с двух сторон. На пороге я оступилась, она коротко сказала: «Подождите», и мы опустили ношу, поправили руки, подняли снова. Сундук наконец оказался внутри.

В доме Нелла осмотрелась без любопытства, каким обычно сопровождали перемены в чужом положении. Коснулась края покрывала, заглянула в печь.

— Трубу проверяли?

— Еще нет.

— Тогда сегодня не топите. У нас после ветров вороны любят устраивать там хозяйство. Я утром пошлю к вам трубочиста, он как раз идет ко мне. Если сможете договориться.

— Смогу. Я заплачу.

— Это лучше ему сказать.

Я смутилась. Нелла сделала вид, что не заметила.

Она откинула полотенце. В корзине лежали круглый хлеб, пара булочек и маленький горшок с крышкой.

— Масло. Остаток от утреннего взбивания. Хлеб можете оплатить сейчас, чтобы я не забыла внести в книгу. За корзину не надо, завтра вернете.

Такая определенность помогла мне больше, чем уговоры не беспокоиться. Я вынула кошелек, отсчитала названную сумму. Нелла взяла деньги и спросила:

— Где будете ночевать?

— Здесь.

— В комнатах постель сухая?

Я слишком долго молчала.

— У меня над пекарней свободна маленькая комната, — сказала она. — Для сестры держу, но до лета не приедет. Ночуйте там, пока не протопите дом.

— Не хочу вас стеснять.

— Если бы стесняли, предложила бы гостиницу. Она внизу, у площади. Там дороже и топят через раз. Выбирайте.

Я посмотрела на корзину, на сундук, на свои испачканные перчатки. Развести огонь, добыть сухую постель, нагреть воду — от усталости отдельные действия никак не складывались в порядок.

— Я заплачу за комнату, — сказала я.

— Дадите за дрова. А утром поможете мне донести корзины до лавки. Хорошая сделка?

— Хорошая.

— Тогда возьмите ночное и документы. Остальное никуда не денется.

Документы я взяла все. Диплом, гильдейскую книжку, бумаги на дом и свидетельство о разводе лежали в одной папке. Перекладывая ее, я закрыла свидетельство ладонью, хотя Нелла уже вышла на улицу.

В ее гостевой комнате было тепло и тесно. Узкая кровать, табурет, крючок на двери, кувшин на умывальнике. За перегородкой кто-то стукнул противнем. Пахло дрожжами и сушеными яблоками. Я поставила сумку на пол и долго сидела на кровати в застегнутом плаще.

Потом сняла его, умылась и наконец заплакала. Тихо, уткнувшись в чужое полотенце, чтобы внизу не слышали. Не только из-за Кассара. Из-за матери, к которой я не приехала в последний раз, потому что врач уверял: еще есть время. Из-за пустого горшка. Из-за того, как легко я сегодня приготовилась оправдываться перед человеком, которого даже не было у двери.

Когда Нелла позвала ужинать, я ответила не сразу. Пришлось несколько раз глотнуть воды, чтобы голос не выдал меня.

На столе внизу стояла густая похлебка. Нелла пододвинула мне ложку и занялась счетами. За весь ужин она спросила только, не нужно ли еще хлеба.

Утром меня поднял грохот заслонки. Я открыла глаза в незнакомой комнате, потянулась к другой стороне постели и уперлась в холодную стену.

Некоторое время я лежала, стараясь дышать ровно. Потом вспомнила вчерашнюю договоренность и поспешно оделась.

Корзины оказались тяжелее, чем выглядели. Я перенесла первую через двор, вторую поставила не на тот прилавок и получила от Неллы короткое объяснение, куда складывать хлеб для постоянных покупателей. Она не церемонилась со мной, и через четверть часа я перестала ожидать, что каждый вопрос окажется о моем браке.

— Вечером поможете перебрать полотна? — спросила она.

— Конечно.

— Нет, так не годится. Подумайте сначала. У вас свой дом стоит.

Я взглянула на нее.

— Мне хватит времени.

— Тогда после ужина. Днем мне самой некогда.

Я понесла пустую корзину к задней двери и едва не столкнулась с мальчиком, бежавшим за вчерашними булками. Он извинился, прижал к груди мешок и исчез. За ним вошел пожилой мужчина с собакой, потом две женщины с одинаковыми красными пальцами. Для всех находились слова, сдача, нужный хлеб. Нелла знала, кто берет без соли, кому оставить горбушку и кого лучше не спрашивать о погоде.

Я смотрела на эту привычную жизнь с завистью. Мне тоже хотелось иметь дело, в котором утро было понятно.

Трубочист пришел к полудню. Он поднялся на крышу, вытащил из трубы комков веток, проверил тягу и велел первое время топить понемногу. Я записала его советы на обороте старого письма. Потом очистила печь, принесла дрова и дважды погасила растопку, прежде чем огонь стал ровным.

В спальне я сняла влажные ткани и повесила их в кухне подальше от жара. Сухие простыни нашлись в сундуке под лестницей, завернутые в плотное полотно. Мать положила туда мешочек лаванды. Я развязала его, поднесла к лицу и тут же убрала, боясь снова сесть на пол и расплакаться.

К вечеру стало теплее только возле печи. В переднюю по-прежнему тянуло через дверь. Над притолокой сохранилась старая бронзовая пластина. Я узнала отцовский рисунок: простая защита от сквозняка и дыма, рассчитанная на один проем.

Резец лег в пальцы удобно. Я сняла пластину, очистила окислившийся край и осмотрела дорожки. Нижняя была повреждена, но металл не треснул. Можно было заново пройти линию, поменять кристалл и до ремонта двери хотя бы сохранить немного тепла.

Я понимала, что следует сначала осмотреть все крепления. Вместо этого потрогала ближайший винт, убедилась, что он держится, и решила, что остальные такие же. В кухне сохла постель, в пекарне ждали полотна, на дворе темнело. Мне очень хотелось закончить хоть одну вещь.

На табурет пришлось поставить узкую дощечку, чтобы дотянуться до верхнего края. Я вернула пластину на место, вставила свой зарядный кристалл и прижала палец к внутреннему кругу. По бронзе прошла тонкая светлая линия. Через открытую дверь перестало дуть.

Я облегченно выдохнула — и услышала от порога:

— Снимите руку. Сейчас же.

Мужчина стоял на дорожке за калиткой. Высокий, в темном коротком плаще, без шляпы. В сумерках я сразу увидела седину у его виска и тяжелые мокрые сапоги. Он шагнул под навес, не дожидаясь приглашения.

— Уберите питание с пластины, — повторил он. — И спуститесь.

От приказного тона у меня свело плечи. Я сильнее прижала палец к бронзе, хотя для работы он уже был не нужен.

— Вы ошиблись дверью.

— Я вижу, чем вы занимаетесь. Снимайте.

— Тогда вы также видите, что я работаю. Если хотите что-то сказать, подождите.

Он поднял взгляд на притолоку.

— Левая скоба отошла от дерева. Когда пластина примет нагрузку, ее вырвет вместе с винтом.

Я повернула голову. С моего положения скобу закрывал край рамы.

— Она выдержала проверку.

— Вы еще ничего не проверили. Сейчас просто нет ветра.

Порыв из двора шевельнул его плащ. В проеме что-то коротко щелкнуло. Свет на пластине дрогнул.

Мужчина поднял руку, будто собирался стянуть меня с табурета.

— Не трогайте, — резко сказала я.

Он остановился. Я вытащила кристалл, положила его в карман и сама спустилась. Край дощечки качнулся под ногой, но я удержалась за косяк. Мужчина убрал руку только после того, как я встала на пол.

В молчании он осмотрел табурет. Я сдвинула его в сторону, закрыла собой дверной проем и спросила:

— Кто вы такой?

— Роан Тарвик. Служба переправы.

Он достал из внутреннего кармана небольшой металлический знак. На нем был выбит городской герб, а под ним — якорь и раскрытое крыло.

— Пришел посмотреть проход к верхней дороге. Кусты у вашего забора разрослись. Весной тут могут вести людей с пристани, нужна свободная полоса.

— И для этого необходимо войти в мой дом?

— Для этого — нет. Для того, чтобы пластина не ударила вас по лицу, пришлось подойти ближе.

— Она не летает сама по себе.

— Вырванное крепление иногда летает очень хорошо.

Я почувствовала, как загорелись щеки. Хуже всего было то, что он, вероятно, оказался прав. Я знала этот щелчок. Его следовало проверить сразу, а я стояла и спорила, потому что незнакомый мужчина разговаривал со мной так, словно имел на это право.

— Предупредить можно было иначе, — сказала я.

Роан посмотрел на мое лицо, потом на руки. Только тогда я заметила, что все еще держу резец.

— Можно, — ответил он. — Но сначала надо было отключить питание.

— Оно отключено. Теперь вы можете отойти.

Он отступил на дорожку.

Я пододвинула табурет обратно, уже без дощечки, взяла лампу и подняла ее к скобе. Под верхним винтом виднелось темное размоченное дерево. Шляпка держалась под углом. Сама пластина была установлена ровно; рама могла не выдержать даже обычной зимней тяги.

Роан молча ждал. Это молчание раздражало сильнее, чем его слова.

— Дерево придется заменить, — сказала я наконец.

— Часть обвязки. Под навес затекает вода.

— Я вижу.

Он кивнул. В этом не было насмешки, но я уже приготовилась ее услышать и не сразу сумела остановиться.

— Если вы пришли сказать, что женщины не должны браться за инструменты, можете сэкономить время.

Роан нахмурился.

— У нас половину лодочных весел делает женщина. Я пришел из-за кустов.

Мне пришлось отвернуться и поставить лампу. От собственной резкости стало стыдно. Извинение застряло где-то между горлом и зубами.

— Кусты я обрежу, — сказала я. — Как только устроюсь.

— До оттепели есть время. Только не складывайте ветки на дороге.

— Не буду.

Он еще раз посмотрел на притолоку.

— На складе есть сухой брус. Город продает остатки после ремонта. Если хотите, завтра принесу подходящий кусок. Его все равно придется обрезать.

— Сколько?

— Узнаю у кладовщика.

— И работу я оплачу.

— Плотнику оплатите, если позовете плотника. Я могу помочь поставить брус. Вы подержите раму и покажете, где сверлить под ваши скобы.

Я покачала головой.

— Вы меня даже не знаете.

— Зато знаю эту дверь. В прошлое половодье здесь размещали списки тех, кто уже поднялся на верхнюю дорогу. Удобное место под навесом.

Я никогда не слышала об этом. Внезапно стало легче представить, что дом два года пустовал, но не исчезал из жизни остальных.

— Хорошо, — сказала я. — Принесите. Сначала скажете цену, потом будем решать.

— После полудня устроит?

Я кивнула.

Он склонил голову, как будто мы наконец завершили обычный деловой разговор, и пошел к калитке. У самого забора задержался, отодвинул сапогом выпавший кирпич, чтобы не лежал на дорожке.

— Вы собираетесь работать с печатями постоянно?

— Да.

— Тогда купите лестницу.

— Благодарю за совет.

В уголке его рта дрогнула улыбка.

— Пожалуйста. Хороший табурет тоже пригодится. Но на нем лучше сидеть.

Я закрыла дверь раньше, чем успела улыбнуться ему в ответ.

Вторую ночь я опять провела у Неллы. Полотна перебрала, как обещала, но руки после холодного дня плохо слушались. Дважды завязала не тот узел, распустила, начала заново.

— Можно оставить до завтра, — сказала она.

— Уже почти закончила.

— Тогда я пошла спать. Утром подъем рано. Лампу погасите сами.

Она не осталась сидеть из вежливости. Я завязала последний узел и тоже отправилась спать.

Утром я купила простую рабочую лестницу. Продавец продемонстрировал запор, велел не ставить ее на мокрую плитку и спросил, далеко ли везти. Я могла бы сказать, что сама донесу, но после вчерашнего не хотелось доказывать это улицам Ривеля. Договорилась о доставке, заплатила, купила щетку, несколько гвоздей и свечи.

Дома я вымыла часть пола, приготовила чай и сняла покрывала с мебели. В большом столе обнаружился ящик с засохшими чернилами и пуговицами. Среди пуговиц лежал наперсток матери. Я положила его на подоконник, возле пустого горшка. Выбрасывать не хотелось, придумывать ему особое место — тоже. Пусть пока полежит здесь.

Роан пришел вовремя, с куском бруса на плече и кожаной сумкой инструментов. Снег на его волосах растаял, когда он вошел под навес. Днем были заметнее ранняя седина и темная щетина на подбородке. Я задержала взгляд на его лице и слишком быстро опустила глаза к дереву.

— Сухой, — сообщил он. — Кладовщик пытался продать еще и три доски. Я сказал, что вы за ними придете сами, если понадобятся.

Он протянул записку с ценой. Я посмотрела, рассчиталась и попросила расписаться внизу. Роан достал карандаш без всякого удивления.

Мы сняли старую обвязку. Под ней дерево оказалось хуже, чем выглядело снаружи. Роан выложил поврежденный кусок на двор и дал мне осмотреть. Я ткнула шилом в темную часть; острие вошло почти без сопротивления.

— Я должна была проверить это до настройки, — сказала я.

Он положил пилу на ящик.

— Да.

— Сам рисунок цел, — добавила я. — Придется только немного изменить размещение скоб.

— Покажете?

Я взяла пластину, объяснила, где нагрузка приходилась на край, а где нужно оставить свободное место для кристалла. Роан слушал, иногда переспрашивал. Его пальцы лежали рядом с моими на бронзе, широкие, с короткими ногтями и старым белесым порезом поперек костяшки.

— Значит, если прикрутить здесь, он не выйдет?

— Выйдет, если потянуть сильнее. И сломает гнездо. Лучше сделать так.

Я подвинула скобу. Наши руки соприкоснулись. Ничего особенного: два человека держали одну вещь. Я все равно отдернула пальцы первой.

Роан будто не заметил.

— Тогда пометьте. У меня глаз хороший, но вашу работу переделывать не хочется.

Он подогнал брус, а я держала раму и подавала инструменты. В какой-то момент он встал так близко, что я почувствовала запах холодного воздуха от его плаща. Пришлось слегка отступить. Роан попросил подать другой винт и зажал первый зубами.

— Так нельзя, — сказала я раньше, чем подумала.

Он вынул винт изо рта.

— Почему?

— Если поскользнетесь, подавитесь.

Несколько секунд он смотрел на меня, потом перевел взгляд на новую лестницу.

— Справедливо. Положите его в коробку.

Я вдруг почувствовала, что мне очень хочется засмеяться. Не над ним даже, а над тем, как быстро мы успели поменяться местами. Смех остался в горле коротким теплым движением.

Когда обвязка была готова, я сняла с рук пыль, вернула пластину и проверила каждую точку крепления. Роан держал лампу. Я выполнила настройку медленно, не пропуская ничего, хотя простая работа уже начинала казаться нарочно затянутой.

— Теперь можете открыть дверь, — сказала я.

Он открыл. Ветер шел с реки, пах сыростью и печным дымом. Свет на пластине сохранился ровным, у самой поверхности потеплело.

— И долго так?

— Этот кристалл — до шести часов в обычном режиме. На ночь все равно закрою дверь, чтобы не тратить заряд зря. Защита удержит сквозняк в щелях.

— А дым?

— Снаружи — тоже. Из неисправной печи она его не уберет, если вы об этом.

— Я именно об этом. У нас каждый год кто-нибудь решает, что магия заменяет чистку труб.

— Мою проверили вчера.

— Хорошо.

Роан отпустил ручку и начал складывать инструменты.

— Чаю хотите? — спросила я.

Он оглянулся на кухню. Я уже успела пожалеть о вопросе: там стояли ведро, тряпка и единственная чистая чашка.

— Не сегодня. Обещал вернуться на пристань до смены дежурства.

— Конечно. Спасибо за помощь.

— Посмотрите вечером на крепление. Если дерево снова потемнеет, значит, затекает выше, и надо будет чинить навес.

— Посмотрю.

Он поднял сумку.

— А вас как зовут?

Я растерялась. Все это время он действительно не знал.

— Мирена Вейр.

— Рад знакомству, Мирена.

Он произнес это без улыбки, но и без вчерашней резкости. Я вдруг заметила, что его глаза были серыми, чуть светлее намокшего камня у порога.

— Я тоже, — ответила я, не решив, насколько это правда.

Роан вышел во двор. Я закрыла дверь и некоторое время стояла, глядя на работающую печат. Потом отнесла чашку на кухню и взяла вторую из еще не разобранный ящика. На ней оказался скол возле ручки. Я вымыла ее и поставила сушиться рядом с первой.

Вечером Нелла помогла перенести мой дорожный мешок. Сундук уже стоял наверху, белье высохло, печь давала достаточно тепла. Она прошлась по кухне, заглянула в горшок с кашей и одобрительно кивнула.

— Значит, соседка у меня теперь постоянная?

— Я собираюсь остаться.

— Тогда завтра принесите корзину. Сегодня забуду ее у вас, иначе вы начнете возвращать каждую мелочь до последней крошки.

Я хотела возразить, но она уже заметила две вымытые чашки.

— Кто приходил?

— Роан Тарвик. Помог с дверью.

— Он умеет. Только иногда разговаривает так, что хочется этой дверью его прижать.

Я рассмеялась, впервые за весь день свободно.

— Значит, дело не во мне?

— Не все на свете из-за вас, Мирена.

Она сказала это добродушно, поправляя сползший платок. Мне неожиданно стало легче от такой очевидной вещи.

У двери Нелла задержалась.

— Если ночью понадобится что-то, калитка во двор не заперта. Только стучите со стороны кухни. Из комнаты я не услышу.

— Спасибо. За все.

— За комнату вы дрова оплатили, полотна разобрали. Хлеб покупаете. Остальное потом сочтемся, когда вы будете печь лучше меня.

— Боюсь, ждать придется долго.

— Тем спокойнее мне жить.

Я проводила ее до калитки, убрала в передней инструменты, погасила нижние лампы. Перед тем как подняться, проверила бронзу. Крепления были сухими, свечение — ровным. Я убавила силу защиты до нужной закрытой двери и взяла наверх маленькую свечу.

Постель еще пахла нагретым полотном. Я сняла платье, осторожно провела пальцами по следу от ручки сундука на ладони. За окном хлопнула калитка. Я подошла к стеклу и увидела Роана: он шел снизу по дороге, остановился возле забора и посмотрел на темный навес.

Внизу виднелась узкая полоска света. Я вспомнила, что не до конца задернула занавеску в передней; с улицы было видно ровное свечение печати.

Роан заметил меня у верхнего окна. Поднял руку, коротко, без приглашения выйти. Я ответила таким же движением.

Он пошел дальше.

Я легла, оставив свечу на табурете. Под ногами было тепло от печной стены, дверь внизу тихо гудела на порывах ветра. Я могла вспомнить Кассара, могла еще раз представить себе столичный дом и женщину, которая скоро начнет выбирать там цветы. Эти мысли никуда не исчезли. Но сегодня у меня болели руки от работы, на кухне стояла каша на утро, а на подоконнике лежал материнский наперсток.

По камням под окном удалялись ровные шаги. Я слушала их, пока не стало тихо. Потом погасила свечу, закрыла глаза и почти сразу уснула.

Глава 4. Работа для меня

Освин Кресс приехал на восьмой день моей жизни в Ривеле и начал с того, что потребовал снять со стола скатерть.

Он поставил саквояж на пол, расстегнул дорожный плащ и оглядел переднюю. В будущей мастерской пока стояла мебель со всего дома. Рядом с резцами лежали перчатки и клубок бечевки.

Я торопливо забрала бечевку.

— Прошу прощения. Не думала, что вы приедете лично.

— Я не ради вашей уборки ехал. Дайте руку.

Он сжал мои пальцы обеими ладонями и всмотрелся в лицо. За последние годы у него сильнее поседела борода, но брови оставались темными и такими же сердитыми. В двадцать один год я боялась этих бровей едва ли не больше выпускного испытания.

— Здравствуй, Мирена.

— Здравствуйте.

— Теперь можно снять скатерть.

Я послушалась. Освин повесил плащ и достал шкатулку с пластинами, линейкой и бланками гильдии.

— Мне придется сдавать все заново?

— Нет. Удостоверение у тебя есть, образование никуда не делось. Но перерыв в практике большой. Перед тем как я подтверждаю самостоятельную работу, хочу увидеть руки в деле.

— Я продолжала работать.

— Знаю. И все равно хочу увидеть.

Он говорил без сомнения в моих словах. От этого спорить было трудно.

Освин выбрал небольшую пластину с поврежденной дорожкой и положил передо мной.

— Защита кладовой от дыма. Кристалл цел, край рисунка стерли при чистке. Определи, что восстанавливать. Потом настроишь заново.

Я взяла лупу. С первых же мгновений заметила двойную линию возле внешнего края — чью-то старую переделку. Когда попыталась ее рассмотреть, Освин подвинул лампу, не говоря ничего.

Руки немного дрожали. Рядом сидел человек, которому не хотелось показывать растерянность.

— Чаю? — спросила я.

— После. Ты собиралась работать или угощать?

Я опустила взгляд и начала заново, с осмотра креплений.

В доме стало тихо. Освин принялся чинить застежку футляра. Он не следил за каждым движением, и постепенно работать стало легче.

Я расчистила линию, измерила глубину, проверила край пластины. Старая переделка была допустимой, но сужала время работы: кристалл отдавал заряд быстрее, чем требовалось при обычном сквозняке. Можно было оставить все как есть и просто предупредить владельца. Можно было снять тонкий слой бронзы и восстановить первоначальный рисунок, если он соглашался на более долгую работу.

Я объяснила оба варианта.

— А который выберешь сама? — спросил Освин.

— Без владельца — ни один. Вы дали заказ на восстановление повреждения. Изменение согласую отдельно.

Он наконец поднял голову.

— Хорошо. Владелец перед тобой, согласен подождать. Эта пластина стояла в моей кладовой, пока помощник не решил сделать ее красивее песком.

— Вы дали мне собственную вещь?

— Лучше всего проверять мастера на том, что тебе жалко.

Я усмехнулась и продолжила. Закончив, не сразу протянула пластину Освину. Проверила соединение с кристаллом, посмотрела свечение на каждой дорожке. Только после этого отложила резец.

Он осмотрел работу, провел пальцем по краю и спросил:

— Когда последний раз ела?

Я растерялась.

— При чем тут это?

— Губу кусаешь. У тебя всегда так было после долгой настройки. Если собираешься принимать заказы, привыкай останавливаться на обед.

— Я завтракала.

Он посмотрел на окно. За время работы свет успел заметно переместиться по полу.

— Тогда ставь чай.

На кухне я нарезала хлеб, достала сыр и последнюю банку яблочного варенья, купленную у соседки Неллы. Освин сел к окну и только теперь спросил:

— Остаешься здесь?

— Да.

— Надолго?

— Пока не вижу причины уезжать.

Он кивнул, намазывая варенье.

Я сама заговорила о разводе. Коротко: Кассар выбрал другую женщину, документы оформлены, дом принадлежит мне. Освин слушал, не перебивая. Я приготовилась услышать, что следовало терпеть ради положения или, наоборот, устроить скандал на всю столицу. Он спросил другое:

— Деньги на первое время есть?

— Есть. Не бесконечные, но есть. Я не приехала с одной сумкой.

— На материалы считай отдельно. Из них обед не сварить.

— Я понимаю.

— Сейчас понимаешь. Первый заказ оплатят — захочется купить все резцы в лавке.

Я не удержалась от улыбки.

— И еще хорошую струбцину.

— Ее купи. На струбцине не экономь.

Он вынул из кармана лист с подтверждением моего образования. Заполнил заключение о проверочной работе, дал мне прочитать, подождал, пока я поставлю подпись.

— Завтра отнесешь в городскую управу. Гильдия уведомлена, твоя запись в реестре действительна. На небольшие бытовые изделия разрешение уже есть. Крупные узлы бери только после отдельных испытаний.

— Я и не собираюсь начинать с дворцовых ворот.

— Хорошо. А с чего собираешься?

Я посмотрела на стол. До сих пор главным планом было просто начать. Принимать людей, ремонтировать печати, получать деньги. На вопрос, кто именно придет и зачем, ответ находился хуже.

— С частных заказов. Защита дверей, кладовых. Здесь много сырости, значит, приходится часто проверять крепления.

— И много людей, которые сперва заткнут щель тряпкой, а потом позовут мастера. Это надо учитывать.

— Вы приехали меня отговорить?

— Я приехал, чтобы ты через два месяца не решила, будто отсутствие очереди означает отсутствие умения.

Я опустила глаза. Он осторожно, без настойчивости коснулся моей руки.

— Попробуй поговорить в управе. Твоя мать писала, что на переправе меняли помещения. Возможно, там нужен мастер. Но узнай сама. Я не стану просить за тебя.

Мне захотелось обнять его. Я встала и сделала это, неловко задев чашку локтем. Освин проворчал про варенье на бороде, но обнял в ответ.

В управу я пришла с папкой, образцом и письменно составленным перечнем работ. Накануне я трижды переписывала предложение, стараясь изложить все точно и понятно.

В приемной я села рядом с женщиной, державшей в коленях обломок водосточной трубы. Впервые за долгое время никто не вскочил при моем появлении.

Ожидание заняло час. Когда меня позвали, я попыталась стереть с пальца чернильное пятно носовым платком.

Тея Норден сидела за широким столом, на котором лежала карта городской набережной. Папку она взяла прежде, чем предложила мне сесть. Это, пожалуй, даже помогло.

— Дом у пекарни? — уточнила она.

— Да. Первый этаж оборудую под мастерскую.

— Квалификацию подтверждал Кресс?

— Он приезжал вчера. Контрольный образец тоже здесь.

Тея вынула пластину, посмотрела на нее и отложила. На вид ей было немного за пятьдесят; короткие волосы, узкая серебряная оправа, чернила на манжете.

— Я не мастер, — сказала она. — По красоте резьбы судить не буду. У вас есть опыт работы с влажными креплениями?

— Да. Но состояние каждого проема нужно смотреть отдельно. Если дерево сгнило, сначала понадобится плотник.

— Один из мастеров обещал обойтись без ремонта.

— Возможно, у него другая система крепления. Мне нужно увидеть место.

— Четыре дверных проема в нижних помещениях переправы, — сказала Тея. — Комната ожидания, проход к сухой лестнице и два хозяйственных помещения. Основная защита от ветра и дыма. Вода обычно не поднимается выше нижней ступени, но бывает разное. Нам нужно время для выхода людей, если начнется разлив. Вам это по силам?

— Одним ответом здесь можно много наобещать. Можно сначала осмотреть?

Тея впервые улыбнулась.

— Можно. Тарвик будет завтра утром на пристани. Я предупрежу, чтобы проводил. У него сведения о нагрузке и движении людей. Решение по заказу примем после сравнения предложений. Аванс на материалы предусмотрен, всю сумму вперед город не платит.

Я кивнула, чувствуя одновременно облегчение и страх. Мне еще не дали работу. Но меня обсуждали как человека, которому ее можно дать.

Тея перевернула заключение Освина. В нижней строке стояла прежняя фамилия.

— Вы были Арден?

— Да.

Она подняла глаза.

— Супруга Верховного дракона?

— Бывшая. Развод оформлен. Мое разрешение на работу личное, имущество мастерской тоже будет моим.

Я произнесла это слишком быстро. Тея сняла очки.

— Я спросила, потому что рано или поздно спросят у меня. В договоре указывается нынешняя фамилия. И еще: если служебные связи повлияют на исполнение заказа, сообщайте сразу.

— Кассар не участвует в моем деле.

— Хорошо. Я услышала.

Она не спросила, из-за чего мы разошлись. Не предложила воспользоваться знакомствами. Записала время осмотра, отдала мне бумаги и позвала следующего посетителя.

Потом я вышла на площадь и купила жареный пирожок. Ела на ходу, обжигаясь начинкой, и чувствовала себя странно счастливой. Я получила следующий шаг, вполне определенный: завтра к девяти, на пристань.

Роан ждал у длинного низкого здания возле воды. Плащ был расстегнут, на шее свободно висел шарф. Рядом стоял рыжеватый мужчина с мотком веревки через плечо.

— Доброе утро, — сказал Роан. — Мирена Вейр, мастер печатей. Эдрик Вальс, мой заместитель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.